

Никаноровна

1.
 Всем война грозила поровну,
 Зло справляя на земле.
 А сразила Никаноровну
 Все же первую в селе.
 К ней соседка как-то с улицы
 Заглянула поутру.
 Глядь, бельишко прямо
 в лужицы
 Послетало на ветру.
 Дверь хлопывает неприкрытая.
 И коровка по траву
 Громко просится, забывтая,
 Видно, с вечера в хлеву.
 Что случилось? Хворь ли
 скорая
 Ододела до того,
 Что и встать не может,
 хвораая?..
 Глядь, а в доме никого!
 И соломка не подобрана,
 И не прибрана кровать.
 Что-то стала Никаноровна
 О порядке забывать.
 И гармонь на стол поставила,
 А не спрячала в сундук.
 Может, мать и впрямь
 представила,
 Что сынок вернулся вдруг?
 Как играет он, представила
 Да забылась на момент.
 Отвлеклась. И вот оставила
 Береженный инструмент.
 И стоит, грустит безгласная
 Без хозяина гармонь.
 Лишь мехов раскраска красная
 В складках тлеет, как уголь.
 И тоска в избе, как в ямине.
 А, бывало, только тронь —
 Так и вспыхнет вроде пламени,
 Развернув меха, гармонь.
 От усадьбы к усадьбе
 Понесет веселый звон.
 Но особенно на свадьбе
 Далеко был слышен он.
 Гармонист, сидел ты
 рядышком
 С женихом как лучший друг.
 И водил рукой по ладошкам —
 Душу трогал каждый звук.
 Где ж ты, парень?.. Так
 невесело
 Нынче слушать тишину.
 Эх, ушел ты в то же месиво,
 Что и сотни, — на войну.
 И на кнопку нечаянно
 Надавила гостья вдруг.
 И какой же вдруг отчаянный
 Под рукой раздался звук!
 Слобно бы без кошки-
 маменьки
 Тут котенок под ногой
 Запищал от боли, маленький,

Спинку выгнувши дугой.
 Сердце сжалось от
 предчувствия.
 Где родная?.. В чем секрет
 Слишком долгого отсутствия?..
 Час прошел — все нэт и нет...
 Нет уж, бог с ней, с этой
 музыкой!
 Вон из дому от нее
 Повело соседку узенькой
 Тропкой женское чутье.
 2.
 Вот и церковь близ околицы.
 Бывший центр села. Давно
 Тут никто уже не молился,
 А хранится лишь зерно.
 Мир убогий. Вид заброшенный.
 Ни души. И только над
 Колокольней перекошенной
 Галки вьются и кричат.
 Да порой мальцы играючи
 Лазят наверх, без помех
 Собирая яйца галочьи
 В картузы из-под застрех
 Или — тоже не церковного
 Благочестия полна —
 Временами Никаноровна
 Забредет сюда одна.
 Мир ее заветный — кладбище
 Из пяти могилочек в ряд.
 Звезды красные негаснущие
 Над могилками горят.
 Вкруг посаженные саженцы
 Лего каждое цветут.
 Вся деревня знает, кажется,
 Имена зарытых тут.
 Но никто не знает все равно
 О могилах дорогих,

Сколько знает Никаноровна:
 Муж ее в одной из них.
 3.
 По понятиям теперешним,
 Да и прежним — вывод прост:
 Не был ни особо денежным,
 Ни заметным мужчиной пост.
 Гармонист, избой-читальнею
 Он заведовал всего,
 Но не скрыли дымкой
 дальнею
 Годы свет души его.
 Было так: на спевки, гапцы ли
 Шли к нему, как на огонь.
 Лучше всякой агитации,
 Знать, была его гармонь.
 С нею и работу смежную
 Легче было начинать.
 То о газетку в руки свежую,
 То о бобе спор опять.
 И томилась Никаноровна
 На руках с сынком, одна.
 Ночь в окне чернее ворона:
 Что-то принесет она?..
 Ну, как зарежит околица,
 И под гиканье и свист
 С полупьяну банда вломится.
 — Кто тут, — спросит, —
 активист?
 И как чуяла до самого
 Дня последнего. В село
 Впрямь пришли казаки Гамова,
 Сабли держат наголо.
 Понабрали пленных: пятеро —
 Весь, как есть, актив села.
 Обзывал бандит их матерно,
 Сапогом пинал с седла.
 И глядели неприветливо

Вражи дула им в сердца.
 И когда упали четверо,
 Пятый тоже ждал конца.
 А ему — гармонь!..
 Заложником,
 Дескать, будешь. Чем не рай!
 И орут: — Играл
 безбожникам —
 Православным поиграй.
 Ну-ка «барыню-сударыню»
 Подавай!..
 И заиграл
 Гармонист, да — ох,
 не барыню,
 А «Интернационал»!
 И, казалось, к небу синему,
 Целый мир оповестив,
 Взмыла песня по-орлиному.
 Так был смел ее мотив.
 Так по банде огорошенной
 Били звуки в тот момент!..
 И пусть смолк, пинком
 отброшенный,
 Неподкупный инструмент.
 Пусть уже лежал,
 порубленный,
 Сам избач в крови, в пыли...
 Но — и саблей
 не погубленный —
 Все, казалось, плыл вдали,
 Все он жил, как эхо громкое,
 В душах баб и мужиков,
 Будто вновь рожденный
 «хромкою»,
 Гимн голодных и рабов.
 (Продолжение следует).

В НАЧАЛЕ ИЮНЯ в Благовещенске состоится семинар молодых прозаиков Приамурья. Руководить семинаром будет хабаровский писатель В. Руссков. В обсуждении рукописей примут участие местные писатели, преподаватели педагогического института, редакторы книжного издательства. Будут обсуждены повесть учителя из г. Свободного А. Падалько, рассказы журналисток Г. Велиничевой и Г. Горбуновой, артиста драмтеатра Е. Бровкина, работника милиции Я. Николаева и других. Приедут на семинар и представители Белогорска. Ниже предлагаем вашему вниманию рассказ слесаря городского пассажирского автопредприятия Геннадия Маркова.

Сегодня драка особенная...

...Митька Прохоров и Кешка провели ночь у костра, на своих заветных ямах у пруда. Но за ночь даже не клонуло. Слышен был лишь шум тростника, словно кто-то снизу раскачивал, шевелил его, да храп, доносившийся от конюшни.
 — Слышишь, Митька? Во лдаст!.. — восторженно зашептал Кешка, указывая рукой на конюшню.
 — Кто? А-а... Козырек? Храпит знатно! — серьезно изрек Митька.
 — А смешной дед Мирон, да, Митька?
 Кешка, словно козырьком, прикрыл глаза сверху рукой, согнулся, раскорячив ноги, и пробасил дедовским простуженным голосом:
 — Здрассте!
 Мальчики, безудержно хохоча, покатались по траве.
 — А взрослым он так говорит, когда здоровается: «Кираба!», — не менее удачно представил деда Мирона Митька.
 Поэтому и звали деда: мальцы — Козырьком, а взрослые — Крабом.
 — А правда, что дед матросом был?
 — Говорят, был... Крабы-то в море водятся.
 ...Отбелело совсем. Видна прямая улица с выстроеными двухквартирными домами, обнесенными невысоким заборчиком. Улицу-то, можно сказать, и заменил пруд: сразу через дорогу — берег; на другой сто-

СВЕТЛАНЕ
 Ты пиши мне почаще,
 Я прошу тебя очень,
 Если б знала, как много
 Значат письма твои.
 Улыбается даже унылая
 осень,
 Если в ящик почтовый
 Вдруг приходят они.
 Ты пиши мне почаще,

проснулся конюх. — А ну-ка шуруй, смотри. Я щас... Да не подходи к ним. По всему видать — Митрохины, язви их в душу.
 Дед поднялся и, приставив руку козырьком, вглядывался по берегу. Митька задрожал от смеха... «Здр-ра-а-ассте...», — скажет сейчас.
 Дед и вправду изрек свое «Здрассте».
 — Ну мы их щас... А и вправду Митрохины. Вот язви!..
 От пруда слышен голос:
 — Тащи, тащи, Петька! За-кружляй!.. За-кружляй, кому говорят! А ты, Серега, поостань.. Петька! Кружляй... Кружляй... Так-так-так. Скорей... Скорей. Ниже!.. Ниже держи. Своди. Во-во-во. Вот так! — довольно протянул Митроха. Есть рыбка!.. Петька! Тряси скорее в мешок. Ух-х... поросята какие!.. Никак в самый икромет попали... Серега?! Мешок за-прячь под во-он ту коряжину.
 Ни Митроха, ни Петька, ни Серега не заметили, как к ним подкрались дед с Митькой и Кешкой.
 Петька и Серега потащили опять бредень.
 — Ты что, Митрох, сучье вымя, делаешь? — прогудел дед Мирон, подходя сзади к Митрофану.
 Митроха вздрогнул и повернулся на голос, но, узнав раздольного конюха, не удостоил его ответом и закричал:
 — Петька! Пе-етька! Тяните дальше и ветлам... Вон этим... Возле ветел копошатся щас поросятки!
 — И, обернувшись к Мирону и ребятам, изрек спокойно:
 — Неча глаза паялить. Проваливайте... Честняги нашлись... Только зыкну — и вон те два моих петуха враз остудят вас.
 — Петька! — опять было закричал он, но Мирон жестко взял его за плечо своим «крабом».
 — Вытаскивай бредень и кати, друг сердешный, отсюда! Митроха сбросил руку деда и побежал помогать сыновьям.
 Дед Мирон! Поселковские бреднем рыбу ловят.
 — Бреднем? — наконец

Ведь за каждой строчкой,
 Через все километры,
 Что меж нами легли,
 На меня, чуть прищурясь,
 Глаза твои смотрят,
 А без них очень грустными
 Кажутся дни...
 Приди веселым утром,
 И сон мой отгони.
 Пусть станет грусть
 минутной

— Митька! — шепотнул Кеша. — Видишь, мешок где спрятан? — Кувырнем его в воду!
 Митька бросился к мешку: он и сам так же решил — выпустить сазанов.
 Мешок был тяжел. «С первого захода почти мешок взяли!» — зло думал Митька, выкидывая одну за другой сверкающие рыбины. Вдвоем с Кешкой они, наконец, вывалили всю рыбу и мешок закинули туда же, в воду.
 Со второго захода в бредне также бурлило и металось множество здоровенных сазанов.
 — Рыбу вывалите в пруд и мотайте отсюда! Пока еще добром прошу! — настаивал дед Мирон.
 — Добряк нашелся!
 Красный от холодной воды, Петька подскокил к Мирону и прошипел свистяще:
 — Убиррайся.. пахло.. отсюда, пока не выкупали!..
 — Ч-то! — взревел тут дед.
 — Я... я... ах ты сучий сын! Да я тебя давну — место мокрое останется!.. Да йя тебя! — дед грозно теснил Петьку к воде. — Брось бредень, кому говорю!
 — Ты не сучи, не сучи... — вступил Митроха, — по шеем накустыляем.
 Дед ахнул от такой наглости:
 — Я т-те насучу.. я те насучу. — задыхался от ярости Мирон. — А это не видел?! — он сжал скрюченные пальцы в мохлястый кулак, поднося к самому носу Митрохи: — Раза хватит, подлючья твоя голова!.. Митька! — заорал вдруг он. — Давай нож! Режь бредень! Сигайте в воду и режьте... Не бойсь.. не тронут. Я вас в милицию, подлецы, в милицию... Не бойсь, Митька, режь! Я этого вислоухого... Но-но!.. Только тронь мальчика! — свирепел дед, видя, что Петька прыгнул в воду.
 Селяне просыпались. Выходили на улицу, качали головами:
 — Спозаранку набрались! На всю округу разоряются!..
 Бабка Левониха, проходя мимо, краем уха услышала

И радостными дни.
 Твоим плечам широким —
 Руки моей тепло.
 Твоим глазам глубоким —
 Мечты моей крыло.
 Заставь меня не плакать:
 Напрасны слезы те.
 Ты только будь богатым
 В любви и доброте.
 Н. ГОННОВА,
 учительница.

(она все и везде краем уха слышит) последнее слово Мирона: «Режь!», подобрала юбки и понеслась, словно молодуха, по улице с воплями:
 — Режут!.. Режут!.. Убийцы!..
 Ради любопытства, кто в чем, селяне потянулись к берегу.
 Собралась толпа...
 Из дома в подтяжках вышел бригадир Брыль. Он широко зевал, поглаживая круглый живот, раскинул руки и медленно-медленно присел.
 С соседнего двора на него смотрела вышедшая тоже «подышать» тетка Марина.
 — Что там случилось, Брыль? — спросила она вкрадчиво, с интересом.
 Брыль широко зевнул и равнодушно проговорил:
 — Убили кого-то...
 Затем опять широко раскинул руки, повернулся и снова присел...
 Тетку Марину, как ветром, сдуло.
 В другом дворе Авдотья качала воду.
 Брыль, приседавая, спросил у нее:
 — Что там случилось, Авдотья?
 — Убили, что ль, кого-то... — ответила Авдотья.
 — Убили!.. — выдохнул Брыль и, как был в подтяжках, побежал к толпе.
 Авдотья бросила ведра, сканнула в дом...
 — Архип!.. Архипушка!.. Вставай... Убили кого-то на берегу... Совхоз собрался... Режут друг дружку...
 — Что! — вскопчил Архип.
 — А... черт!.. — прыгал он на одной ноге, никак не попадая в штанину, а рука уже тянулась за двустволкой...
 — Н-не... нада, — повисла на руке Авдотья, — брось ружжо-то...
 — А... черт! И Архип ринулся к пруду.
 Г. МАРКОВ.
 (Окончание следует).

Никаноровна

(Продолжение. Начало в № 87).

Доведет их до греха?.. И ведь вот дождались

случая —

Подпустили петуха. И смотрела, плача, бедная

От деревни в двух верстах, Как жила стена последняя

Превращалась в золу, в прах. Тут бы женщине, как золото,

Защищать свой отчий кров. Но не бросишь без надзора-то

На пастбы в лугах коров. Нет, напрасно ждали ироды,

Что — пока она к огню — Уж они кулацкой выгоды

Не упустят... На корню Луг пожгут, погубят стадушко

И ее же обвинят.. Не прошло! Со стадом

рядышком Шла она, как день назад.. Будь то встарь, бродила б

нищенкой. Ей же вот он — новый дом!

А еще и сливу с вишнейкой Посадили под окном.

Знай теперь про жизнь колхозную Муж ее, вот был бы рад!

Да уж как?!.. Что смертью грозною Взято — не вернешь назад.

Что ж, случилось, и посетует. А на кладбище придет

И как будто побеседует С мужем — душу отведет.

Как бы и его порадует Тем, что сын отцу под стать

С неизменной отрадой Вальсы учится играть.

И опять ей вспоминается, Как и он играл, избач

И такой переполняется Сердце грустью, что хоть

плачь!.. А уж нынче вовсе старая. Часто ходит на погост.

Сядет тихая, усталая, Край платка захватит

в горсть. И опять о сыне новости: Дескать, пишет с фронта он,

Что медаль получит вскорости: За отвагу награжден.

И вздыхает Никаноровна: То ли радоваться ей,

Что отцовского он норова, — То ли ждать беды скорей.

Такова она, бойцовская Жизнь его — в огне, в дыму...

Ну как и судьба отцовская Тоже выпадет ему.

Нет, не дай-то бог, — тревожится, — Лучше уж почить самой..

И уж так-то ей не можется, Что едва идет домой.

5. Вот и нынче... Только глянула

На нее соседка вдруг. И как будто душу ранило

Чем-то большим, чем испуг. Так-то горько Никаноровна

Никла к мужнину холму. Уронив лицо, как все равно

На поминках по кому. Так молчала, что-то думая,

Словно лишь одна и есть Похоронная, урюмая

Для нее на свете весть. И соседку не увидела,

Погруженная в себя.. Ох, неужто ж вновь обидела

Никаноровну судьба?! И с душою растроженной

К ней метнулась со всех ног. — Что случилось?.. Видит:

Треугольничком листок. И бумага-то не русская —

Только русские слова. Тем ужасней суть их грустная:

Без сына теперь вдова. Черным по белу начертано:

«Смертью храбрых пал в бою». Знала бы война, на чей она

Дом несла грозу свою! Ведь и так уж был

убийственной Потрясен бедой домок.

А теперь — прощай, единственный

Свет для матери — сынок! Как утешить Никаноровну?!

Легче было бы и жить, Если б можно было поровну

С нею горе разделить.

Только вот в чем суть — не делится

Это горе пополам. Эх, ну хоть бы чуть

надеясь, Что живой он, мальчик, там.

И надеждой этой зыбкою Душу тешить: может, он,

Сын ее, и впрямь ошибкою В списки павших занесен.

Сколько их, по спискам живо Похороненных, живет

И, от дула пряться вражьего, По ночам к своим идет!..

И соседка к ней притронулась, Сострадания полна.

И как будто что-то стонудось В той негромко, как струна.

Будто вот сейчас как следует Поняла, что не одна

Лишь она сегодня бедует, А все люди, вся страна.

И, смахнув слезинку наскоро, Обретя над сердцем власть,

Не себя — соседку ласково Утешать она взялась.

Обняла легонько женщину, Словно чуя наперед,

Что и та печаль не меньшую, Может быть, переживет.

Что и к той, быть может, вскорости

Дни придут черным-черны. Потому что только горести

Есть в запасе у войны.

4. Не легка, чай, бабья ношенька, А уж вдовья — хуже нет.

Ты и в хате одишенька, И в хлеву одна чуть свет.

И одна, мамаша, на ноги Сына ставь, раз нет отца.

Жизнь — не только небо в радуге,

В ней и грозы без конца. Но крепилась Никаноровна.

И давало силу жить Сельской бедноты содружество

Помогало, как могло. Будь то встарь, не жди ни

жалости, Ни добра, — ох было б слез! А ее зовут: — Пожалуйста,

Никаноровна, в колхоз. На артель-то глядя дружную,

Кулаки впадали в раж. Предрекали участь мужнину

Никаноровне не раз. Кто же знал, что злоба жгучая

Взято — не вернешь назад.

В. АЛЮШИН

Детство, детство, где ты бродишь?

Отзовись на голос мой. Может, ты на огороде

Собираешь сухостой. Может быть, с друзьями

утром Налегке ушел туда, Где течет в покое мудром

Темно-синяя вода. Может, мчишься с косогора

В дом родной свозить птичий гам...

Где же ты? Ведь лягут скоро Тени длинные к ногам.

Позади-то лет осталось Половина, а не треть.

Это все-таки не малость, Если трезво посмотреть.

Даже с собственной судьбою Надо быть настороже...

Детство, детство, мы с тобою Не увидимся уже.

Послевоенная весна

Днем и ночью три недели Дождь холодный лил и лил.

Мы, нахохлившись, сидели Без тетрадок и чернил.

И поймут ли муки эти Наши школьники сейчас?

Даже старые газеты Мы хранили про запас.

Если есть к учебе тяга Да к тому же и талант,

На таких листках бумаги Хорошо писать диктант.

Нет чернил? Пиши хоть сажей. Благо, лист — не молоко,

Лишь учительнице нашей Приходилось нелегко.

Разберись-ка в вляксах-пятнах!

Потеряешь аппетит: От газетных букв печатных

Целый день в глазах рябит. Так мы жили.

И неплохо По тогдашним временам, Потому что в мир эпоха

Открывала двери нам.

МИР НАШИХ УВЛЕЧЕНИЙ

ЛЮБЯТ поэзию в экономическом техникуме. Любят потому, что пробуждает она «чувства добрые», формирует характер, развивает воображение и наблюдательность, служит проявлением индивидуальности человека, выражением его сокровенных мыслей.

Доброй традицией стало у нас проведение на уроках литературы поэтических пятиминуток, конкурсов чтцов, литературных вечеров, к которым учащиеся готовятся с большим желанием.

О победителях конкурсов говорят на линейке, им вручают грамоты и подарки.

Проводится у нас и поэтический «Огонек» или «Час поэзии». В этом году он был приурочен к Пушкинскому празднику.

В читальном зале библиотеки собрались любители поэзии. О любимых поэтах рассказали Ирина Поляева, Тамара Карнович, Ирина Шевчук, Светлана Заволокина, Ольга Зыкова, Светлана Макрушина и другие.

Тема патриотизма и мужества, любви и верности, как всегда, волнует молодежь. Мировая литература подарила нам множество сказаний, песен, баллад, посланий к любимой, поэм о любви.

Стихи эти сохранили для нас прекрасные образы некогда живущих любимых и любящих. О Елене Прекрасной, Беатриче, Анне Керн, Шаганэ мы не знали бы, если бы в их честь не было написано много замечательных стихов.

Писали о любви Державин и Жуковский, Пушкин и Лермонтов, Фет и Тютчев, Блок и Есенин, Ахматова и Маяковский... Много замечательных строк посвятили любви и наши современники: Михаил Луконин и Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский и Расул Гамзатов, Юлия Друнина и Вероника Тупнова.

Ирина Поляева с чувст-

вом прочтала бессмертные пушкинские создания: «Я помню чудное мгновенье», «Я вас любил», стихотворения В. Шуграевой и К. Сиমনова.

Т. Карнович любит стихи Юлии Друниной, Ольги Бергольц. Некоторые из них она и прочтала.

Отрывок из романа «Евгений Онегин» — письмо Татьяны к Онегину — взволнованно прочтала Таня Панкратьева. Она напомни-

ла, что именно бессмертные стихи Пушкина любил поэт революции Маяковский. Он утверждал, что к этим строчкам мы будем обращаться в самые трудные и радостные минуты жизни.

Светлана Заволокина, Людмила Бондаренко, Ирина Шевчук любят лирические стихи Сергея Есенина. Им дорого в нем то, что писал он о любви с такой страстью и грустью, нежностью и благодарностью, что чувство к женщине неотделимо у него от чувства любви к Родине, природе, родной земле.

Девушки прочитали «Шаганэ ты моя, Шаганэ», «Заметался пожар голубой», «Письмо к женщине».

— Есть в стихах Есенина, — сказала Светлана Заволокина, — какая-то особенная задушевность, музыкальность. То, что не передашь словами, это то «несказанное, синее, нежное», наше, русское, понятное всем. Уезжая за границу, актер Качалов взял с собой томик Есенина, как горстку

родной земли, как частичку Родины.

Многие стихи поэта положены на музыку. Были прослушаны в грамзаписи песни: «Отговорила роща золотая», «Не жалею». Ирине Даниленко ближе всех поэзия Юлии Друниной, Светланы Арефиной — стихи Мусы Джалиля.

Галина Зыкова сама пишет стихи. Правда, «для себя», иногда, по просьбе товарищей, в стенгазету. А на конкурсе к Дню Победы она читала свое стихотворение «Мама», посвященное всем женщинам, сыновья которых не вернулись с войны.

— Пишу о том, что глубоко пережито, что произвело сильное впечатление, — говорит Галя. — Лучше пишется на природе. Много стихов я посвятила Родине, природе, родному городу Сковородино.

Конечно, Галине еще нужно работать, пока ее стихам далеко до совершенства. Но несомненно одно: Галя — искренний, наблюдательный человек, отзывчивый на все доброе, необычное, интересное.

Поэт Н. Рымнов сказал, что тот, кто хоть однажды плакал над «Рыцарем на час», никогда не сделает дурного поступка, не оскорбит женщину, не обидит ребенка. Умение сопереживать — основа зарождения чуткости, внимательности, доброты, порядочности, благородства — качества, без которых не может быть настоящей личности.

В заключение вечера прозвучали записанные на пленку голоса чтцов, выпускников 1974 года. Оставлять в дар техникуму, младшим товарищам свое живое слово тоже стало традицией клуба любителей поэзии.

М. МАЙГУЛА, преподаватель литературы.

Белорусская ССР. Вокально-инструментальный ансамбль «Верасы» своими концертами завоевал популярность и признательность зрителей далеко за пределами республики. Он лауреат народного фестиваля политической песни в Хельсинки, лауреат Всесоюзного конкурса эстрадной песни в Москве. В конце прошлого года ансамбль с успехом выступил в Болгарии на конкурсе песни «Красный мак», где получил право записать большую стереопластинку фирмы «Балкантон». На снимке: вокально-инструментальный ансамбль «Верасы».

Фото Ч. Мезина. (Фотохроника ТАСС).

А. ЛАПУТИНА

На турбазе

На рассвете я спать не могу, Невозможно валяться в постели, Я в душистые травы бегу,

Где седирами росы осели. Птичье пенье во все голоса, Воздух крепко пропитан сосною,

Освежает мне ноги роса, Темный след остается за мною.

Закачались березки слегка, Зашептались о чем-то осинки,

Чуть заметно плывут облака, По реке побежали морщинки.

А над лесом пылает восход, Первый луч просочился сквозь ели,

Отдохнувшее солнце встает Под искристые звонкие трели.